

К "ОТЧЕТУ КОМИССИИ ЦК КПЧ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И РЕАБИЛИТАЦИИ НЕВИННО ОСУЖДЕННЫХ"

Мы предлагаем вниманию русскоязычного читателя отрывки из "Отчета Комиссии ЦК КПЧ о политических процессах и реабилитации невинно осужденных", который был опубликован на Западе на чешском, немецком, французском, английском, итальянском и других языках.

Отчет был составлен особой Комиссией, созданной по постановлению пленарного заседания ЦК КПЧ в апреле 1968 г. На этом заседании Центральный комитет принял решение расследовать все нарушения законности в период политических процессов и, в первую очередь, нарушения, связанные с процессом бывшего генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского. Центральный комитет принял также решение выяснить причины задержки реабилитации невинно осужденных новотновским руководством и после того, как стало известно, что политические процессы были инсценированы.

Это постановление ЦК, направленное на ликвидацию прошлых преступлений, было составной частью политики, которую чехословацкое руководство проводило после избрания Дубчека в январе 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ. Отчет о политических процессах является результатом работы не только членов Комиссии ЦК КПЧ, но и широкого коллектива историков, юристов, политологов и экономистов. Его публикации в ЧССР воспрепятствовала советская оккупация. После советского вторжения Дубчек пытался вынести Отчет на обсуждение пленарного заседания ЦК КПЧ, но в создавшихся условиях он не смог этого осуществить. Отчет, проект выступления и проект постановления по Отчету были спрятаны под замок в самых секретных архивах.

Но люди должны знать правду, поскольку, только познав ее,

они смогут предотвратить повторение трагедии. Машина произвола и фальсификаций могла в 50-е годы работать на полную мощность лишь потому, что заключенные оказались в одиночестве, и потому, что никто не выступил в их защиту. После ознакомления с Отчетом Комиссии уже нельзя будет оправдываться недостаточной информированностью, поскольку в нем рассказывается, что происходило не только на сцене, но и за кулисами. И если подобная трагедия повторится, каждый, кто будет молчать, станет немым соучастником преступления.

В Отчете комиссии подчеркивается, что ответственность следует дифференцировать в зависимости от того, кто какой пост занимал и насколько мог знать правду. Отчет Комиссии доказывает, что политические процессы не были ни случайным, ни обоим явлением. Процесс Сланского, как и процессы других чехословацких коммунистов, был продолжением ряда аналогичных процессов в Венгрии, Польше, Болгарии и Румынии. В Отчете отмечается, что, поскольку тогдашнее руководство КПЧ во главе с Клементом Готвальдом решило не сопротивляться советскому нажиму (Готвальд тогда сказал, что Чехословакия никогда не станет второй Югославией), избежать процессов в Чехословакии было невозможно. Но почему именно в Чехословакии, где процессы проходили после того, как они уже закончились в других странах, почему именно в Чехословакии процессы приняли столь отвратительный и массовый характер и смертных приговоров было больше, чем в других государствах?

Отметим, что первые обвинения против тогдашних деятелей КПЧ, которым предписывали отклонения от линии партии и организация заговора, были выдвинуты за границами Чехословакии — партийными руководителями Польши и Венгрии. Уже тогда, наверняка при поддержке Сталина и находившихся в Чехословакии советских специалистов, венгерские и польские представители выступили с теорией, что Чехословакия — самое слабое звено социалистического лагеря и что именно в Чехословакии должен действовать "центр международного заговора", агенты которого уже были "выведены на чистую воду" в Болгарии, Венгрии, Польше и Румынии. Уже в те годы венгерские и польские руководители высказывали озабоченность внутренней слабостью Чехословакии, объясняя эту слабость тем, что на ее территории не находятся СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА (!).

В 1947 г. было создано Информбюро — инструмент компартии Советского Союза, посредством которого она управляла компартиями социалистических государств. Навязывая этим партиям советскую модель социализма как единственно возможную и обязательную, Информбюро подавило все попытки той или иной страны определить ее специфический путь к социализму и открыло дорогу механическому копированию странами Восточной Европы советского образца, который сформировался в особых исторических условиях и в другой национальной среде. Уже в резолюции Информбюро о Югославии вырисовываются контуры начавшихся вскоре в других странах политических процессов. Югославию обвиняют в "буржуазном национализме", космополитизме, "недооценке" классовой борьбы, в акцентировании национальных особенностей и в недостаточном выдвижении роли советской армии в освобождении страны от нацистской оккупации. Все это квалифицировалось как "измена" и "заговор".

Политическое давление на Чехословакию, небывалый размах репрессий и смертных приговоров можно объяснить только тем, что советское партийное руководство тогда, как и сейчас, было заинтересовано в том, чтобы в странах советской сферы влияния правила партии, опирающиеся на административную власть, партии без личностей, партии, руководители которых целиком зависят от военной мощи Советского Союза и присутствия советских войск на территории их государств, поскольку для советского руководства самой надежной гарантией сохранения советской системы в других странах является размещение в этих странах советских войск.

Этим объясняется, почему после августа 1968 г. в Чехословакии не удалось спасти даже отдельных реформ Пражской весны, как и то, что советская оккупация отбросила Чехословакию не к доянварскому периоду, а на много-много лет назад.

В 1968 г., через двадцать лет после начала политических процессов, против Чехословакии выдвигались такие же обвинения, как и тогда, и выдвигали их опять за границами Чехословакии — в Польше, ГДР, Болгарии и СССР. О слабости КПЧ говорилось именно тогда, когда она начинала завоевывать авторитет и широкую поддержку населения. Советский Союз оккупировал

Чехословакию, чтобы другим было неповадно внедрять отличную от советской модель общественного устройства. Могут возразить, что Советский Союз не оккупировал Югославию, Румынию или Китай. Но Югославия – это исключение, которое СССР допускает потому, что она уже завоевала свое право на особый путь; Китай же – настолько силен, что по отношению к нему "чехословацкое решение" неприменимо; Румынии ее независимые действия сходят с рук потому, что советское руководство не сомневается в ее решимости защитить свою независимость. Трагической ошибкой чехословацкого руководства в период Пражской весны была его верность готвальдовскому принципу ("Чехословакия никогда не станет второй Югославией!"). Чехословацкое руководство надеялось на понимание советскими лидерами происходившего в нашей стране; тем дороже Чехословакия заплатила за свою попытку пойти своим, особым путем. Цена, которую Чехословакия заплатила дважды – и в 1948-1955 гг., и в 1968 г., – была расплатой за стремление народов Чехословакии свободно решать свою судьбу; иметь свое правительство, своих лидеров; создать соответствующее традициям страны и ментальности ее населения общественное устройство; иметь право на эксперименты, даже если они сопровождаются ошибками; самостоятельно выбирать своих союзников и друзей и строить отношения с ними на принципе равенства.

При расследовании политических процессов 50-х годов и реабилитаций невинно осужденных Комиссия объективно отразила степень советского нажима и роль советских специалистов в подготовке и проведении этих процессов. Работа Комиссии осложнялась, однако тем, что советское руководство, игнорируя постановления XX и XXII съездов КПСС о культуре личности и беззакониях Сталина и Берия, не только не обнародовало правду о нарушениях законов, но и продолжало рассматривать любую попытку эту правду выявить как провокацию. У членов Комиссии ЦК КПЧ не было доступа к советским архивам, они не могли ни опросить тех, кто принимал участие в подготовке чехословацких процессов, ни ознакомиться с советскими документами, главным образом, с документами о заседании политбюро ЦК КПСС, на котором присутствовал тогдашний министр

обороны А. Чепичка, с перепиской Сталина с Готвальдом и с протоколами переговоров, которые в ноябре 1951 г., в канун ареста Сланского, вел в Праге Микоян.

Из Отчета Комиссии вытекает, что решение о судьбе Сланского и других заключенных было принято в Москве, что, разумеется, не снижает вины Готвальда и других тогдашних руководителей КПЧ, которые лично знали Сланского и других осужденных, долгие годы сотрудничали с ними и, несмотря на все это, согласились на их арест и на смертные приговоры.

Отчет Комиссии ЦК КПЧ показывает, что чехословацкие процессы начались по инициативе Ракоши, Берута и Сталина. Существуют разные точки зрения относительно того, кто сыграл главную роль, но не вызывает сомнения, что проведение этих процессов стало возможным потому, что тогдашнее чехословацкое руководство подчинило *свою* страну и *свою* партию КПСС и Информбюро. Причина этой трагедии в сталинской концепции гегемонии, в сталинском понимании интернационализма как слепого послушания советскому руководству. Ответственность чехословацких коммунистов огромна, поскольку, подчинившись гегемонии КПСС, они предоставили право решать важнейшие внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы суверенной Чехословакии иностранному центру и людям, которые понятия не имеют о традициях, ментальности и политическом опыте Чехословакии.

В Отчете Комиссии ЦК КПЧ приводится письмо ЦК ВКП (б), в котором содержится критика по адресу тогдашнего министра обороны Чехословакии генерала Свободы и ряда других чехословацких деятелей. Это письмо уже само по себе является нарушением провозглашаемого КПСС принципа равенства социалистических стран, поскольку КПСС присваивает себе право выступать с критикой руководителей других партий, в результате которой людей снимают с постов, арестовывают, судят и казнят.

Масштабы политических процессов в Чехословакии и жесткость вынесенных на них приговоров нельзя, однако, объяснить только давлением извне. Проведению процессов способствовали и внутренние условия в стране. Отчасти они были вызваны сопротивлением политике КПЧ. Но это сопротивление в значи-

тельной степени было обусловлено тем, что КПЧ нарушила обязательства, которые она давала до захвата монопольной власти в стране. После прихода к власти в феврале 1948 г. КПЧ пережила головокружение от успехов; партия стала нетерпимой, сектантской, признала теорию обострения классовой борьбы.

Политических противников стали рассматривать как врагов, агентов и предателей, которых необходимо ликвидировать. Тем самым КПЧ восстановила против себя тех, кто первоначально поддерживал ее цели и готов был способствовать их реализации.

Следует отметить, что в Отчете Комиссии ЦК КПЧ речь идет главным образом о процессах над коммунистами, поскольку пленум ЦК КПЧ поручил расследовать именно эти процессы. Однако ни в коем случае нельзя забывать, что первыми жертвами в Чехословакии стали представители других партий и беспартийные, и что в этих первых процессах также нарушались законы, как и в процессах над коммунистами.

Остановимся подробнее на схеме политических процессов, абстрагируясь при этом от директив Москвы, которые, безусловно, сыграли решающую роль в их проведении. Мы не будем также говорить ни об Информбюро, которое идеологически обосновало и благословило необходимость разоблачать врагов и, в первую очередь, врагов в рядах партии. Мы не будем говорить и о нажиме со стороны руководства других стран Восточной Европы, в частности, Венгрии и Польши, которое представило проходившие там суды как процессы над участниками "международного заговора", якобы имевшего центр в Чехословакии. При абстрагировании от всего этого, вырисовывается следующая схема:

1. Руководство коммунистической партии формулирует ряд отклонений от партийной линии (буржуазный национализм, антисоветизм, ревизионизм, титоизм, приверженность идеям социал-демократии, Сланскому и т.д.) и призывает к борьбе с ними.

2. Против этих отклонений организуется кампания их "разоблачения" и идеологического осуждения.

3. На следующем этапе выявляют конкретных представите-

лей этих отклонений и, по возможности, инкриминируют им создание групп.

4. От "разоблаченных" требуют самокритики, которая якобы поможет им доказать их преданность партии.

5. Первичные организации или печать (со ссылкой на рабочих) требуют, чтобы признавшие и осознавшие свою ошибку были наказаны.

6. "Разоблаченные" освобождаются от занимаемых ими партийных и государственных должностей. Увольнения начинаются на верхах и продолжаются на более низких уровнях, вплоть до производства. Увольнения сопровождаются соответствующей кампанией в печати.

7. Одновременно раздаются голоса, требующие наказания признавших.

8. Следующий этап — аресты.

9. Органы госбезопасности руководствуются принципом, что раз человека арестовали, значит он в чем-то виноват (в противном случае могло бы быть подорвано доверие населения к органам), и в большинстве случаев им удается выбить признание.

10. Составляется сценарий процесса: арестованные учат свои показания наизусть.

11. Партийное руководство утверждает сценарий процесса, одновременно принимается решение о приговорах.

12. Организовываются массовые протесты трудящихся, которые требуют для подсудимых высшей меры наказания.

13. Ссылаясь на "признания" обвиняемых, суд "от имени народа" выносит приговор.

Такова схема всех политических процессов, инсценированных в странах реального социализма. Отчет Комиссии ЦК КПЧ показывает, однако, что в Чехословакии масштабы этих процессов были намного шире, чем в других странах Восточной Европы. В один из месяцев было вынесено столько смертных приговоров, что министерство юстиции Чехословакии потребовало замедлить темпы, чтобы получить возможность привести эти приговоры в исполнение.

Политические процессы 50-х годов можно сравнить с раковой опухолью, поразившей важнейшие органы государственно-общественного организма, разрушившей и парализовавшей те здоровые силы, которые еще действовали в стране. Процессы 50-х годов стали катализатором кризиса, который в декабре 1967 — январе 1968 гг. достиг своей кульминационной точки.

Последствия политических процессов проявились во всех сферах экономической и общественной жизни Чехословакии. В экономике победил субъективизм, поскольку причины экономических трудностей усматривались в деятельности так называемых предателей, ревизионистов, националистов и сионистов. Ведущей в народном хозяйстве стала "стале-железная концепция", реализация которой привела к кризису чехословацкой экономики. Управление экономикой и политической жизнью стало еще более централизованным, что парализовало активность общества, полностью исключив граждан из участия в управлении государством; люди стали аполитичными, отчужденными. Политические процессы совершенно подорвали доверие граждан Чехословакии к праву и их веру в справедливость. Политические процессы деморализовали общество, так как деформировали традиционные ценности — дружбу, честность, правдивость. Между старыми друзьями легла тень недоверия, исчезло такое понятие как солидарность. Арестованные и обвиненные оказывались в изоляции и потому были заранее обречены.

Политические процессы 50-х годов черной тенью легли на совесть чехословацкого общества, и в последующие годы давление общественности, требовавшей реабилитации невинно осужденных, постоянно росло.

Десятилетняя отсрочка реабилитации была вызвана, главным образом, тем, что в ходе процессов сформировалась новая правящая группа, члены которой были связаны общей ответственностью за инсценировку политических процессов. Эта группа, разумеется, понимала, что выявление правды о процессах означало бы конец ее власти. Уступая давлению чехословацкой и международной общественности, эта группа позволила освободить заключенных, но подвергнуть сомнениям правомочность политических процессов не разрешилось. Такое решение обосновывалось и идеологически: обнаружение правды может подорвать авторитет партии и ослабить социалистический строй.

Комиссия ЦК КПЧ, действуя в духе Пражской весны, не удовлетворилась только реабилитацией невинных и анализом причин, которые привели к инсценировке процессов. Она пошла намного дальше, разработав на основе проделанного анализа систему гарантий, которые должны были воспрепятствовать возможному повторению этой трагедии в будущем. Предполагалось, что материалы Комиссии обсудит XIV съезд КПЧ.

В документе подчеркивается, что система таких гарантий не может базироваться ни на торжественных заявлениях, ни на благих намерениях кого бы то ни было. Достаточно напомнить, что в период большого террора, унесшего миллионы жизней, Сталин говорил, что в центре внимания должен быть человек, и тогда же он выступал против нарушений законности, ратуя за дальнейшее развитие социалистической демократии.

Поэтому, говоря о гарантиях, Комиссия ЦК КПЧ имеет в виду гарантии, опирающиеся на закон, и такие гарантии были сформулированы в 1968 г. в проекте программы действий КПЧ.

Отчет Комиссии ЦК КПЧ о политических процессах 50-х годов и, в первую очередь, рекомендации Комиссии о разработке гарантий, которые воспрепятствовали бы нарушению законности, как и другие документы, разработанные в период Пражской весны, полностью опровергают обвинения КПЧ в том, что она действовала в эти месяцы наивно и спонтанно. Пражская весна была серьезной попыткой создать новую модель общества, которая соответствовала бы чехословацким условиям и конкретному этапу исторического развития.

Западногерманская газета "Ди Вельт" (13 сентября 1983 г.) сообщила, что Чехословацкая социалистическая академия выпустила секретный меморандум, в котором говорится, что во время Пражской весны 1968 г. события 50-х годов и в особенности политические процессы освещались предвзято, искаженно. Будет нанесен "сокрушительный удар" по эмигрантам, — говорится далее в меморандуме, которые утверждают, что партия совершала преступления.